

ТИРАНОЗАВР НАРОДА

Нынче что ни год, то эпоха. Что еще несколько месяцев назад казалось большим, скукожилось, а что поменьше, то и вовсе — с глаз долой, вон из сердца и из памяти. Что там было за сотысячными митингами, политическими катаклизмами, августовским путем и революцией? Быльем поросло?

Октябрь 89-го. По проспекту Мира расклеены объявления. Ксерокопии. Крупные, от руки, буквы. Привожу дословно:

Внимание!

«Мемориал» и «Международная амнистия» проводят 30 октября в 18 часов митинг-цепочку вокруг Лубянки (КГБ) в память жертв ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ. Состоится ритуал зажжения свечей.

Граждане СССР!

Если мы едины, мы непобедимы!
Все на акцию!

Газеты называли потом инициатором акции только «Мемориал», а ведь тут была и «Международная амнистия». Ах, не любила ее об те времена советская пресса!

Призыв, намертво приклеенный к стеклу телефона-автомата почти что год, теряя в стойком сопротивлении буквы, слова и фрагменты, звал и звал граждан на акцию, все дальше уходящую по реке времени.

Итак, 30 октября 1989 года. День советского политического заключенного. 18.00.

Выход из подземного перехода к зданию КГБ перекрыт милицией. Я поднимаюсь по Кировской (тогда еще Кировской!) и выхожу к зданию с другой стороны. Кто-то вручает мне стеариновую свечу. Ветер то и дело задувает ее. Подходят другие люди, продолжая цепочку огней. Кто-то из случайных прохожих спрашивает, в чем дело, кто-то ругает бездельников, забавляющихся свечами вместо работы (время как будто уже не рабочее), ругается на ходу багровый от ярости полковник.

Издали фотографируют и снимают фотокамерами. Подходит человек, фотографирует в упор и неожиданно фамиллярно благодарит:

— Спасибо, сэр!

Товарищ, верь, пройдет она,
Заря всеобщей гласности.

Но комитет госбезопасности
Запомнит ваши имена.

И лица, судя по всему, тоже. Уж, наверное, бесцеремонный фотограф ни сном, как говорится, ни духом, однако ж наработанный годами рефлекс дает себя знать.

Свечу опять гасит порыв ветра. Опять, прикрывая ее ладонью, я зажигаю ее от неверного, мечущегося пламени соседней свечи.

В полседьмого шелестит: на Пушкинскую. Интересно, «Международная амнистия» меня туда не приглашала! Я иду вдоль здания КГБ мимо распадающейся цепочки огоньков. На Кузнецком милиционер предлагает молодому человеку свернуть эстонский флаг.

— Но почему?

— Не положено.

— Я что, не могу идти по улице с флагом?

— Демонстрация не санкционирована.

— О чем речь? Какая демонстрация? Просто я иду с флагом. Сам по себе. С флагом и с дамой. Дама с горящей свечой:

— Он идет с дамой. И с флагом. Почему нельзя?

— Нельзя!

— Хорошо, я сверну флаг.

(Неужели свернет и даму?)

Момент, когда ручейки слились в реку, я упустил. Смотрительница кооперативного туалета, оставив свой пост, поспешила вверх по крутой лестнице, услышав стоголосый хор. Я двинулся за ней, на ходу застегивая брюки. И на секунду застыл рядом с туалетной дамой, созерцая филейную часть толпы. С развернутыми знаменами, поднимая лозунги, громко скандируя непонятное, народ был уже у Петровки.

Догнав арьергард, я наконец различил слова. Народ весело вопил:

— ДО-ЛОИ-КА-ГЕ-БЕ-ДО-ЛОИ-КА-ГЕ-БЕ - ДО-ЛОИ-КА-ГЕ-БЕ!

Иногда тема варьировалась:

— ПО-ЗОР-КА-ГЕ-БЕ-ПО-ЗОР-КА-ГЕ-БЕ-ПО-ЗОР-КА-ГЕ-БЕ!

Ближе к Пушкинской возникла еще одна тема:

— СВО-БО-ДУ-СВО-БО-ДУ-СВО-БО-ДУ!

Между Петровкой и Пушкинской это необычное массовое гуляние стало приобретать карнавальный облик. Яркие освещенные окна домов были распахнуты. Эйфория, восходя снизу вверх, захватывала новые этажи. Люди в окнах приветственно махали

руками и кричали. Какой-то дядя под самой крышей, перекрывая гул, пел «Вставай, проклятьем заклейменный...»

Толпа повернула на Пушкинскую. Раздавали листовки ДС. Прибавив шаг, я приблизился к инициаторам марша настолько, что смог прочитать лозунги. «Деятельность КГБ под контроль народа». Хороший лозунг, но для скандирования не годится. «КПСС — тиран народа». «Тиранин» — было бы изящней.

(ЗАПИСКИ ОБЫВАТЕЛЯ)

Вдруг что-то там произошло впереди, толпа дрогнула, поддалась назад и побежала. Мы как раз поравнялись с Театром Станиславского и Немировича, и тут толпа вдруг побежала назад. Переход от карнавала к панике был моментален. Событие за милую душу и затопчут. Я прислонился к стене театра и огляделся. Народ бежал. В толпу врезались молодцы в белых шлемах, и кого-то уже волокли по асфальту. Да, угораздило кофейник с вилкой в роде погулять! Поспешно пройдя несколько шагов, я свернул во двор. На улице кричали.

По проходному двору выхожу в Козицкий переулок. По переулку навстречу друг другу текут два потока людей. Выход на улицу Горького (тогда еще Горького!) блокирован милицией. Ничего, пройду через Елисеевский. Зеркала, люстры, озабоченные покупатели, немислимое сейчас изобилие жратвы по немислимым сейчас ценам. У главного входа-выхода — милиционер:

— Закрыто. Выход через зал.

— Почему?

— По просьбе администрации.

Возвращаюсь в Козицкий. По проходному двору выхожу к «России». Путь к метро Пушкинская перекрыт. Море людей. Затвор транспорта. На балюстраде «России» — толпа народа. Театр уж полон. Ложи блещут. Но я как будто уже насытился. Протискиваясь между машинами, с потоком людей вливаюсь в метро Чеховская. Вжимаюсь в вагон под непрерывно повторяемое:

— Внимание! Выход на улицу Горького закрыт. Пользуйтесь выходом на станцию Чеховская.

Почему небо голубое?

ПОЧЕМУ НЕБО ГОЛУБОЕ?

Еще не появившись ни разу на переполненном Олимпийском, еще не произнес ни одной из знаменитых своих речей, Билли Грэм — крепкий старик, по-своему называемый «Билли», — успел уже одержать в мраморных подземельях Москвы первую свою духовную победу, одолев безо всяких усилий кроткого царевича Арджуну вместе с фиолетовым его богом-возницей. Исчезли со стен вагонов, стинули, будто и не было их, боевые слоны, дышащие

страстью кони, лучники растеряли каленые стрелы свои и, яко тает воск от лица огня, бежали от лица Билли Грэма — человека, который говорит с людьми.

Старина Билли — сокрушитель Кришны — обещал открыть мне, почему течет река и почему меня не понимают, он хотел объяснить мне, почему небо голубое, и ответить на массу других столь же важных вопросов. «Вот человек, который мне нужен», — подумал я и пошел послушать Билли Грэма, тем более что он обещал ответить мне совершенно бесplatно, и это в наши-то корыстные времена!

Ну, и само собой, заинтересовался не я один. Как сказано было в биллигрэмском буклете, «Его радужно принимают и коронованные особы, и малыши в детских садах. За советом по духовным вопросам к нему обращаются главы государств и подростки из городских трущоб». И вот я вместе с толпами москвичей присоединился к этому весьма пестрому и обширному обществу почитателей и вопрошателей неутомимого проповедника.

В Олимпийском яблоку было негде упасть. Я угнезжился под самой крышей, едва найдя свободное место. Красавица в униформе с табличкой «Душепопечитель» одарила меня брошюрами и буклетами Билли Грэма, а также Евангелием от Луки с фотографией улыбающегося Билли Грэма и его автографом, так что, ежели не знать, вполне можно было подумать, что это Евангелие написал сам Билли Грэм.

Кстати, в одной из презентованных мне книжек было самым тщательным образом расписано, что и когда мне из этого Евангелия читать, а по прочтении предлагалось ответить на такие вот вопросы:

«О чем эта притча говорит нам сегодня?»

«Можем ли мы поступать, как раб из этой притчи?»

«Что говорит Библия о Господней заботе о нас?»

На все эти вопросы Билли Грэм доверил мне найти ответ хотя и самостоятельно, однако же под руководством опытных душепопечителей (адреса прилагались).

Грянул хор из семи тысяч (!) хористов. 30 лет назад Билли Грэм обещал проповедовать на стадионе в Москве и теперь триумфально выполнял обещание, казавшееся тогда фантастическим!

Ведущий объявил, что Бог будет сегодня Сам отвечать на вопрос «Почему?» через Билли Грэма. «Встанем, — сказал он, — и споем все вместе!»

Стадион стал. У каждого был заблаговременно розданный духовный гимн. Там еще были такие слова:

Когда весной природа расцветает,
И слышу в дальней роще соловья,
И аромат долины грудь вдыхает,
И слух ласкает звонкий шум ручья,—
Когда из туч нависших гром несется,
И в ночи темной молния блещит,
Когда из туч нависших гром несется,
И радуга мой ясный взор пленит...
Ну, и дальше все в таком духе.

Стадион встал во едином порыве и запел вместе с хором. Это было грандиозно. Растроганный мужчина рядом со мной вытирал платком глаза.

К микрофону подошла женщина и стала страстно рассказывать о своем обращении. «Я встретила Того, — сказала она, — Кого жаждала душа моя. Бог просветил мою жаждущую и искреннюю душу».

Ей-Богу, вот так она говорила, как по-писаному, а в конце сказала, что, если уверовать, то все, решительно все проблемы разрешатся (а покажите мне человека, который не захотел бы разрешить все свои проблемы!).

Когда народ был достаточно разогрет, в дело вступил сам Билли Грэм. Ясное дело, он не посрамил своей репутации, он оказался мастером жанра и проповедником что надо! А завершил он так:

— Если вы хотите наладить отношения с Иисусом Христом, возьмите пакет с брошюрами и встаньте около сцены. Когда вы спуститесь, я за вас помолюсь. Может, это единственный момент в вашей жизни, когда вы можете получить прощение грехов. Будет ли еще такое у вас? Идите ко мне, идите к Богу.

Обнажились ряды, толпа медленно густела у помоста.

К микрофону вышел один из ведущих:

— Будем молиться все вместе. Будем молиться, возможно, впервые. Повторяйте за мной: Господи, говори с нами через Билли Грэма!

После молитвы, которую повторял за ним весь зал, он предложил собравшимся заполнить регистрационную карточку — отметить галочкой нужное: уверовал ли во Христа, есть ли еще вопросы или же не уверовал и вопросов нет. Для удобства заполнения ведущий посоветовал подложить под карточку Евангелие.

Вместе с толпой я вытек из Олимпийского. С черного неба сочилась мерзость. А ведь Билли Грэм так и не объяснил мне, почему небо голубое. А может, и объяснил, да только я это прослушал или не понял. Шлепая по лужам в темноте, я пожалел, что так этого и не узнал!

Михаил ГОРЕЛИК.